

М.Н. Громов

Типология русской философии в контексте европейской культурной традиции*

По поводу русской философии существует довольно значительный диапазон суждений – от неумеренного восхваления существующих и выдуманных достоинств до полного отрицания таковых. Идет полемика по поводу периодизации русской философии, ее начала и основных стадий эволюции, включенности в европейское и мировое мыслительное пространство. Спорят специалисты и дилетанты всех мастей относительно прошлой истории, современного состояния и перспектив будущего развития. В этой полемике, длящейся почти два века, если ее отсчитывать со времени выхода первого специального труда по истории русской мысли, написанного архимандритом Гавриилом Воскресенским (Казань, 1840), высказано немало обоснованных суждений и ценных замечаний. Они принадлежат как российским специалистам по истории философии и собственно философам Э.Л.Радлову, Г.Г.Шпету, В.В.Зеньковскому, Н.О.Лосскому, Г.В.Флоровскому, С.Н.Булгакову, Н.А.Бердяеву, И.А.Ильину, Б.П.Вышеславцеву, А.Ф.Лосеву и многим другим, так и зарубежным авторам Т.Масарику, Д.Скэнлану, Д.Клайну, В.Гёрдту, Ф.Коплстону, А.Валицкому, о. Томашу Шпидлику и иным авторам. Относясь с уважением к тем мыслям по поводу русской

* Статья представляет собой полный текст доклада, сделанного в кратком варианте на Финско-российском философском симпозиуме в Хельсинкском университете 14 июня 2010 г.

философии, которые принадлежат как вышеупомянутым, так и неупомянутым авторам, попробуем и мы высказать свое суждение касательно данного вопроса.

Начнем с обозначения самого объекта исследования, по поводу которого также ведутся нескончаемые споры. Что есть русская философия? Предложим свою точку зрения, согласно которой в широком смысле слова она есть совокупность всех философских по своей сути, а не только по формальным признакам, идей, образов, концепций, присутствующих в русской культуре начиная с ее возникновения до сего дня. Существуют более узкие трактовки русской философии, когда она понимается как мыслительный процесс, тесно связанный с литературной традицией, поэтому Достоевский и Толстой рассматриваются не только как великие писатели, но и как великие философы. Она может также пониматься как функция религиозной мысли, тесно связанная с богословием, – тогда митрополиты Платон Левшин и Филарет Дроздов, священники Георгий Флоровский и Павел Флоренский предстают как яркие религиозные мыслители. Распространено мнение, что русская философия является вторичной по отношению к западной и возникла она не ранее реформ Петра Великого. Есть суждение, согласно которому только начиная со славянофилов складывается собственно русская философия и ее первым достойным представителем стал Владимир Соловьев. Существуют также иные оценки и дефиниции.

Определений русской философии может быть столь много, сколь много существует дефиниций философии вообще. В каждом из них акцентируется некий условно выделяемый аспект феномена, называемого русской философией. В этой связи наиболее разумной, на наш взгляд, является та точка зрения, согласно которой феномен русской философии целесообразно рассмотреть с позиции широкой ее трактовки, которая имплицитно включает в себя все остальные версии как частные варианты общей теории.

Фундаментальный подход в изучении любого объекта предполагает максимальный охват эмпирической базы, аутентичную интерпретацию разнородных источников, рассмотрение исследуемого феномена на всех без исключения стадиях развития, а также учет его предыстории и постистории. Лишь собрав всю совокупность данных и проследив полную динамику развития, можно

сделать обоснованные выводы о специфике данного объекта, его внутренних особенностях, связи с внешними факторами, о его структурной организации и о том, что называется типологией, топикой, своеобразием. Отсюда следует, что *типологией русской философии* уместно считать предельно обобщенные о ней представления, характеризующие ее качественное своеобразие и сведенные в определенную структурно-системную целостность.

Типологические особенности начинают формироваться на самой ранней стадии развития объекта, поэтому изучение типологии русской философии нужно начинать с анализа ее генезиса на эмбриональной стадии первичного существования в преесторический период. Генезис отечественной культуры и возникшей в ее лоне первоначальной протофилософской мысли уходит в глубины дохристианской Руси, где трудно установить начальную точку отсчета. Мифологическая модель мироздания сформировала в сознании язычников важнейшие установки: нерасторжимую связь с природными циклами, поклонение стихиям в виде богов восточнославянского пантеона, синкретическое неразличение материального и духовного аспектов бытия, почитание тотемов и предков как способ социальной детерминации.

Древнейшие общечеловеческие мифологемы, вроде «брака неба и земли», и архетипы коллективного сознания, вроде «мирового древа», служили образно-символической интерпретации природы, общества, человека. Тройная вертикальная структура мироздания (небо, земля, преисподняя), четверичное горизонтальное членение пространства (север, юг, восток, запад), бинарные оппозиции (верх – низ, мужское – женское, день – ночь) содержали невербальные символические модели объяснения бытия, которые впоследствии будут преобразованы в вербализированные и рационализированные концепции. При внешнем примитивизме протофилософские идеи, присутствующие в недрах мифологического сознания, играли важную подготовительную роль в будущем развитии философской мысли.

Собственно начало русской философии обычно связывают с крещением Руси. Христианство заменяет уравновешенный натуралистический пантеизм язычества напряженным противостоянием духа и материи, драматическим конфликтом добра и зла, борьбой божественного и дьявольского начал. Идея вечного круговорота

сменяется концепцией векторного, эсхатологического, финалистического типа. Вчерашний язычник, живший ограниченным родовым сознанием, – ныне неофит – призывается к личной моральной ответственности, его жизнь подключается к мировому универсуму, судьба родного этноса подчиняется ходу мировой истории всего человечества, необычайно расширяется кругозор как отдельного индивидуума, так и общества в целом.

В этот период начинают формироваться важные типологические черты древнерусской мысли, которые станут устойчивыми ее константами в последующий период. Это прежде всего *панэтизм*, иначе называемый «онтологизацией этики», который выражает настойчивое стремление рассматривать все явления социального и природного характера в морально-этическом плане. Мы видим в летописных источниках, что нашествие иноплеменных на Русскую землю трактуется как божья кара за моральное разложение страны. По этой же причине поражают людей болезни, падают династии и рушатся царства. Стремление древнерусских авторов не только описать конкретно-исторические события, но и понять внутренние их причины вырабатывало *историософичность* как философское осмысление истории, что примет в русской традиции устойчивую интенцию. Ценным памятником в данном отношении является «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона Киевского, где показан смысл мировой истории как смена ветхозаветного Закона новозаветной Благодатью и где христианский универсализм автора XI века органически сочетается с его патриотизмом.

Тесно связан с прежде указанными типологическими особенностями *антропологизм* древнерусских мыслителей, их преимущественный интерес к человеку, его душе, предназначению, смыслу существования. Жизнестроительный характер древнерусской мысли подчеркивается в «Житии Феодосия Печерского», где святой старец, наставник в праведной жизни, ставится выше философов, склонных к абстрактным размышлениям. Митрополит Никифор в XII веке говорит о противоборстве духа и плоти, о трехчастном устройении души, включающей в себя (1) яростное, стихийное, оргическое начало, (2) волевое, целеустремленное и (3) высшее, словесное, связывающее с Богом и призванное управлять человеком. Его современник великий князь Владимир Мономах, написавший на склоне лет свое «Поучение», задается вопросом: что есть чело-

век, как подумаешь о нем? Затем, ссылаясь на Василия Великого, на Псалтирь и другие почитаемые источники, призывает своих детей «быти благочестия делателям»: уклоняться от зла, творить добро, искать мира в душе и согласия с ближними, а более всего иметь в себе «страх Божий», понимаемый как неукоснительное следование моральным заповедям, что отличает человека от животного и оберегает его от всех превратностей судьбы.

Подобные душеспасительные идеи встречаются и у западных философов, богословов, подвижников, что роднит русскую средневековую мысль с аналогичной европейской. Однако постепенно складываются и некоторые отличия, которые связаны с воздействием на древнерусскую культуру кирилло-мефодиевского наследия. Славянский первоучитель IX века святой равноапостольный Константин-Кирилл, прозванный Философом за обширные познания, просветительскую деятельность, первое на славянском языке определение философии, стал наиболее авторитетным мыслителем в регионе *Slavia orthodoxa*, **образцом философа как такового**. Он вместе с братом Мефодием перенес на славянскую почву византийский гуманитарный синтез филологии, философии, богословия, где каждая предыдущая наука является преддверием, ступенью, пролегоменами последующей. Он же способствовал утверждению платоновской линии развития философии в качестве доминирующей на восточнохристианской почве, в то время как западное христианство развивало по преимуществу аристотелизм и схоластическую традицию в богословии и философии в духе св. Фомы Аквинского, что породило в дальнейшем рационализм Нового времени, а позднее аналитическую философию и другие сходные феномены западной мысли, склонной к строгому понятийному дискурсу.

Платонизм в виде христианизированного неоплатонизма и *триединство филологии, философии, богословия* стали важными типологическими особенностями русской мысли, что мы видим не только у таких средневековых авторов, как Кирилл Туровский, Максим Грек, Иосиф Волоцкий, Симеон Полоцкий, но также у Владимира Соловьева, о. Павла Флоренского, о. Сергия Булгакова и упомянутых выше Достоевского и Толстого. Каждый из них выступает един в трех лицах: как мастер словесного искусства, как глубокий мыслитель, как бо-

гословствующий автор. Филология предстает как начало гуманитарного знания, ибо без умения понимать слово, владеть словом, творить в слове не может быть никакой последующей гуманитарной деятельности. Лишь овладевший искусством слова может погрузиться в метафизические глубины с целью познания первопричин бытия или обратить свой взор на небеса при желании приобщиться к высшим сакральным ценностям.

Подобную особенность живой русской мысли, соединяющей словесное, метафизическое и религиозное в творческом единстве, отмечали многие специалисты по русской философии. Если в случае с Достоевским это вполне очевидно, то как, скажем, у русских марксистов и социалистов проявляется религиозное начало? Бердяев и другие исследователи природы русского коммунизма отмечали его религиозный пафос, мессианскую направленность, конфессиональную нетерпимость, что делало его своеобразным суррогатом религии, квазихристианством, секулярной верой как превращенной формой предшествовавшего религиозного сознания, хотя адепты и апологеты марксистской идеологии всячески стремились доказать ее абсолютно научный характер.

Со времени крещения Руси складывается еще одна важная типологическая особенность русской культуры в целом и русской мысли в отдельности. Это *софийность*, которая ярко проступает в русской софиологии Нового времени, но которая стала формироваться много веков ранее. Важно отметить, что русская софийность проявляет себя не только в вербальном виде (как рациональном, так и мистическом), но и в невербальном — через храмостроительство, церковное искусство, иконопись, гимнографию. При этом художественный, эстетический, символический образ Софии Премудрости Божией выглядит более впечатляюще, чем вербальные его отображения. Данное обстоятельство заставляет пересмотреть традиционное представление о философских источниках как единственно вербальных и расширить его в семиотическом плане до максимально возможного привлечения всей совокупности вербальных и невербальных текстов с целью их интегрального, комплексного рассмотрения. Так, немецкий представитель западной иконологии Эрвин Панофски именует готику «каменной схоластикой», подчеркивая стилистическое сходство той и другой.

Для понимания становления софийной традиции на Руси имеет значение один характерный эпизод из юности св. Константина-Кирилла, описанный в его житии. В пророческом сне стратиг града Салоники, уроженцем которого был святой, предложил юноше выбрать из самых красивых девушек спутницу жизни. Но сердце его не тронула ни одна из них. И вдруг он увидел стоящую в стороне деву, сияющую неземной красотой, и спросил, как ее зовут? Ответ был – София. И возлюбил он ее всем сердцем, и духовно обручился с ней в пророческом сне, и служил ей всю жизнь. Таким образом, мудрость может предстать не только в виде полезного рассудочного знания. Она может явиться как отражение возвышенной небесной красоты, которой уместно поклоняться и которую хочется страстно возлюбить. Это эмоциональное, трепетное, волнующее в духе платоновского эроса отношение к мудрости, которое лежит в основе отечественной софиологии, весьма важно для ее понимания. София философа выше, чем муза поэта, она предстает как отражение божественного Логоса, вдохновляющего мыслителя на творчество и стремление к Истине. Если муза служила Аполлону, то София служит Спасителю, а это более высокий тип служения, сакральный по своей сути.

Образ Софии Премудрости Божией сложился как контаминация древнегреческого образа градодержчицы Афины Паллады, покровительницы искусств, ремесел, философии, и библейской девы Мудрости из Книги Притч, которая воздвигла храм на семи столпах и призвала жаждущих сокровенного знания войти в него. В свое время Лев Шестов сказал, что есть Афины и есть Иерусалим, и они никогда не сойдутся. Однако они сошлись в Константинополе в храме Святой Софии, главнейшем для всего православного мира. Отсюда проистекает столь важный византийский синтез мудрости, искусства и религии, о котором говорилось выше. В нем испытанный временем античный союз философии и литературы дополнился сакральной составляющей.

Это обстоятельство отчасти объясняет, почему русская мысль тяготела к художественной линии развития и почему среди русских философов так много писателей и поэтов, а среди мастеров слова – мыслителей. Великая русская литература в лице Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого в немалой степени обязана своей мировой славой философскому ее содержанию. Данное заме-

чение справедливо по отношению к древнерусской иконописи, называемой «умозрением в красках» (Е.Н.Трубецкой), «богословием в красках» (Л.А.Успенский), «философией в красках» (Б.В.Раушенбах). Философия может развиваться не только в вербальных, но и невербальных формах, не только рациональным, но и художественным способом. Учет этого фактора важен для понимания типологии русской мысли, носящей в немалой степени *художественный характер*, что формирует особую эстетику мысли. Вместе с тем следует уточнить, что эта типологическая особенность отечественной философии сильнее проявляется в средневековый и барочный периоды, а с возрастанием сциентизма и позитивизма в Новое время она начинает дополняться *наукообразными формами* философствования, особенно после основания в 1724 г. Санкт-Петербургской академии наук, развития светского образования и нарастания секуляризационного процесса в российском обществе и культуре.

Необходимо также отметить *связь языка с философией*. Давно подмечено, что грамматически и синтаксически русский язык очень пластичен. В отличие от строгого построения предложения в немецком и английском языках он позволяет выстроить высказывание в любой форме, довольно свободно переставляя подлежащее, сказуемое, другие члены предложения. Это качество позволяет мысли, выраженной на русском языке, быть весьма гибкой, виртуозной, богатой оттенками, но одновременно лишает ее той строгости, упорядоченности, дисциплины, которые свойственны немецкому, английскому и другим более формализованным языкам. *Пластичность* русской философии, определяемая языком ее существования, своеобразной плотью мысли, является еще одной типологической характеристикой, присутствующей на всех стадиях ее эволюции вплоть до нашего времени.

Изначально языком богословского, философского, литературного творчества был церковнославянский, созданный великими просветителями Кириллом и Мефодием. Они отстояли перед Римским папой его сакральное равенство с древнееврейским, греческим и латынью, и как таковой он употребляется до сего дня в православном богослужении уже более тысячи лет. На его основе складывалась богословская и философская лексика, о его высоком значении для литературы говорил Михаил Ломоносов в учении о

трех стилях. Графически связанный с греческим языком (он создан на основе византийского унциала), фонетически наполненный живой славянской речью, он в содержательном отношении объединяет особенности того и другого.

Становление и развитие языка отразило генезис отечественной духовной культуры, в которой после крещения Руси органически соединились местная, автохтонная, низовая славянская традиция патриархального уровня и трансплантированная, наложенная на нее сверху византийская традиция высокого европейского и мирового уровня (нечто подобное испытали многие народы при их христианизации, полагаю, что финский также). Именно через *христианскую матрицу* Русь приобщилась к мировой цивилизации. А поскольку Византия была самой развитой страной раннего Средневековья, главной хранительницей античного наследия, посредницей с другими цивилизациями в восточносредиземноморской ойкумене, то можно понять, какой взлет, подъем, неофитский восторг ощутила Русь после крещения в греческой вере. Понимание русской культуры в целом и философской мысли в отдельности как *византийско-славянского синтеза* необходимо для принципиального уяснения типологии их обеих.

Церковнославянская книжность, общая для региона *Slavia orthodoxa*, куда входили Болгария, Сербия, Русь, другие страны с кириллической письменностью, сначала быстро расцвела благодаря культурной эманации Византии, бывшей метрополией по отношению к ним. Но после падения Византийской империи Балканы будут завоеваны османами, а Россия переориентируется на латинский Запад. Ей придется решать одну важную для развития философии и культуры задачу – вхождение в цивилизационное пространство Западной Европы, все более уходящей вперед в своем развитии.

На церковнославянский язык, о котором шла речь выше, были переведены Библия, труды Отцов Церкви, ряд исторических хроник, агиографическая и нравственно-назидательная литература. До XVII века не было переведено с греческого или латыни ни одного сочинения Платона, Аристотеля и других великих философов, хотя их имена стали известны, а цитаты из их творений (не всегда подлинные) входили в содержание афористических сборников типа «Пчелы» (Μελισσι). Правда, в составе аскетического

сборника «Сотницы», приписываемого Максиму Исповеднику, содержался почти полностью «Энхиридион» Эпиктета, а *Corpus agetragiticum* Псевдо-Дионисия пользовался после его перевода сербским иноком Исайей в XIV веке большой популярностью. Однако это было скорее исключение, нежели правило. Достижения античной мысли попадали на Русь в превращенном виде через творения Иоанна Златоуста, Василия Великого, Иоанна Дамаскина, Григория Паламы, на творчество которых повлияла эллинская философская традиция. Нечто подобное мы видим в развитии русской иконописи, которая формировалась под влиянием византийской и, по мнению ряда искусствоведов, в частности В.Н.Лазарева, восприняла некоторые принципы классической эллинской эстетики, дошедшие до древнерусской живописи в опосредованном и христианизированном виде.

Ограниченный философский кругозор России начинает расширяться со второй половины XVII века в результате сближения с Западом. В основанной в 1685 г. в Москве Славяно-греко-латинской академии, первом российском высшем учебном заведении, преподавание философии начало ставиться на профессиональную основу. Знание греческого и латыни уже с XVIII века станет непременным условием получения образования в гимназиях и университетах, а также в духовных семинариях и академиях, где дополнительно преподавался древнееврейский язык. Изучались в указанных заведениях также германо-романские языки, что существенно увеличивало интеллектуальные возможности русской образованной публики. Тогда русскому читателю открылся огромный мир философской литературы и бесконечное мыслительное пространство, в котором он так нуждался. Как раньше с помощью Византии, так теперь с помощью Западной Европы Россия переживает культурный подъем, который затронет и ее философскую мысль. Восемнадцатое столетие стало во многом веком ученичества, а девятнадцатое – веком подлинного расцвета русской культуры новоевропейского типа, в том числе литературы, архитектуры, музыки, театра, изобразительного искусства, но лишь отчасти философии.

Первые перечисленные виды творчества поощрялись властями, с философией дело обстояло сложнее. Если образованные люди ею увлекались, а мыслящие стремились внести свой творческий

вклад в развитие отечественной философии, то власти относились к ней двойственно, не отрицая ее общеразвивающей культурной пользы, но при этом небезосновательно подозревая подрывной по отношению к правящему режиму характер, присутствующий по крайней мере у различных вольнодумцев. И во времена Московского царства, и в правление просвещенной Екатерины II, и при воинственно-величественном Николае I судьбы как философии в целом, так и отдельных философов часто были весьма трудными. Заточение в монастырскую тюрьму Максима Грека, арест и ссылка в Сибирь Александра Радищева, объявление сумасшедшим Петра Чаадаева, вынужденная эмиграция Александра Герцена, гражданская казнь и каторга Федора Достоевского вполне могут дать представление о том, в каких социальных условиях и при каком давлении правящих режимов существовала русская мысль. Слишком умные, а тем более независимые, а еще более оппозиционные философы, равно как близкие им по взглядам писатели, деятели культуры, представители религиозных и общественных движений были неудобными и нежелательными для властей подозрительными личностями.

Репрессии советского периода, печально известный «философский пароход», на котором в 1922 г. были высланы из коммунистической России лучшие умы страны, казнь о. Павла Флоренского, преследование Александра Солженицына и многое другое позволяют говорить о том, что *социальная несвобода, драматизм и трагизм* русской философии также являются типологическими ее чертами. Вместе с тем, как ни парадоксально это звучит, для философии социальный комфорт не всегда полезен, ибо в периоды жестоких испытаний, кризисов и катаклизмов мысль человеческая начинает работать напряженнее, интенсивнее и, следовательно, продуктивнее. Тот же Максим Грек в заточении, Радищев в ссылке написали главные свои труды. Достоевский после каторги и пребывания на дне общества среди уголовных и политических преступников получил такой экзистенциальный опыт, который невозможно обрести ни в каких библиотеках, академиях, университетах и который через страдания и катарсис души сделал его гениальным писателем и мыслителем. А высланные из Советской России Булгаков, Бердяев, Вышеславцев, Ильин, Франк, подобно вынужденно уехавшему Вячеславу Иванову, спасли репутацию русской философии в самый

трудный период ее существования и обогатили европейскую культуру своими талантливыми трудами. Немногочисленная по количеству, но лучшая по своему креативному качеству русская эмигрантская мысль является одним из выдающихся достижений России в области философии XX века, если не самым выдающимся, хотя не следует забывать о трудах тех, кто остался на Родине.

Поскольку русская философская мысль существует достаточно длительный промежуток времени, а начало ее можно отнести к эпохе крещения Руси (хотя не все с этим согласны), то уместно сделать некоторые выводы о характере ее развития по отдельным периодам. После начального подъема в XI–XII веках следует спад в XIII–XIV столетиях, связанный с монгольским нашествием и разорением страны. Вслед за Куликовской битвой 1380 г. и под благотворным воздействием проникшего с Афона исихазма начинается период национального возрождения. В XVI веке происходит формирование доктрины «Москва Третий Рим», ставшей одним из столпов мессианского и государственно-политического сознания. В это же время царь Иван Грозный вступает в полемику с князем Андреем Курбским по поводу сущности власти и желательной для России модели государственного устройства. При этом «русский Нерон» отстаивает принцип самодержавного абсолютизма, а опальный князь, бежавший в Литву (еще один характерный пример судьбы русских мыслителей), настаивает на более демократичном устройстве Российского государства. Этот принципиальный спор продолжится в дальнейшем, его отголоски слышны и сейчас.

В начале XVII века в эпоху Смутного времени страна впадает в тяжелый системный кризис, едва не закончившийся потерей независимости, а потом во второй половине столетия постепенно начинает возрождаться. При царе Алексее Михайловиче осуществлялась мягкая постепенная европеизация России на польский католический манер, а при его сыне императоре Петре Великом произошла жесткая ускоренная вестернизация по протестантскому североευропейскому образцу. Тогда же стала осуществляться столь необходимая стране многовековая модернизация России, которая с переменным успехом и неуспехом продолжается до сего дня.

При более детальном рассмотрении всех обстоятельств развития русской философии в кратко обозначенные периоды невольно напрашивается вывод о *неравномерности и неравноценности*

в количественном и качественном отношении ее эволюции, что тоже относится к типологическим признакам. Сложно графически вычертить и статистически вычислить модель ее тысячелетнего существования. Не будет, однако, преувеличением сказать, что наивысшей стадией развития, своеобразным апогеем, пиком восхождения стали последние десятилетия XIX века и первые – XX века. Тогда в результате реформ Александра II началась демократизация России, давшая положительные результаты во многих отношениях, в том числе философском.

В эту пореформенную эпоху, несколько заторможенную консервативным царствованием Александра III и обостренную социальными потрясениями в неровное и печальное царствование Николая II, русская философия переживает свой подлинный расцвет, которого не было ранее и не будет потом. Наконец-то создается благоприятная атмосфера для ее существования, возникает столь необходимая для полноценного развития *полифония мысли*, которая обеспечила в свое время цветущее разнообразие античной философии в многополисной Греции и способствовала успеху западной в многогосударственной Европе. Каких только течений мысли не было в этот период: утонченный мистицизм и грубый материализм, осторожный консерватизм и смелый радикализм, небескорыстный эгалитаризм и буйный анархизм, западничество и почвенничество, неопозитивизм и символизм, неокантианство и неогегельянство, теософия, космизм и многое другое. Какие блестящие имена породила эта не столь продолжительная, но столь продуктивная эпоха: Владимир Соловьев, Сергей и Евгений Трубецкие, Николай Бердяев, Лев Шестов, Семен Франк, о. Сергей Булгаков, о. Павел Флоренский, Иван Ильин, Лев Карсавин, Владимир Эренбург, Василий Розанов и многие, многие иные, чьи достойные имена нет возможности перечислить. Необходимо при этом уточнить, что стремление к полифонии мысли предстает как типологическая черта русской философии Нового и Новейшего времени, в то время как мысль средневековой Руси сдерживалась ортодоксией.

В конкурентной борьбе за умы и сердца людей оттачивали свое мастерство, повышали уровень мышления, совершенствовали искусство аргументации, создавали творческое разнообразие десятки хорошо известных и сотни менее известных мыслителей той

эпохи, которую в истории русской литературы зовут Серебряным веком, а в истории русской философии позволительно именовать Золотым. Именно к ней и ее представителям обращено наибольшее внимание современных отечественных и зарубежных исследователей. Успех философии русского зарубежья, охватывающий время до середины XX века, генетически и персонально связан с *Золотым веком* русской мысли на рубеже ушедших столетий.

После революционного катаклизма, крушения старой России, эмиграции и гибели многих мыслителей и деятелей культуры в стране из хаоса стало формироваться новое общество с новым типом идеологии и новым местом в ней философии. Сложилась удивительная, фантастическая, единственная в своем роде ситуация, когда гонимая прежде философия стала вдруг очень важным, поддерживаемым всей мощью тоталитарного государства, престижным, сравнительно неплохо оплачиваемым знанием и занятием. В СССР были созданы десятки кафедр, основаны несколько факультетов философии, защищены сотни, если не тысячи, диссертаций, выпущена масса книг, которые сейчас никто не читает, кроме узких специалистов. Стало обязательным изучение философии в высшей школе, поощрялось знакомство с ней в средней, даже рабочим, служащим, крестьянам, пенсионерам в ленинских комнатах и лекционных залах говорилось о пользе философии, ее значении, необходимости изучения ради строительства нового светлого общества на разумных основаниях. Достоевский вслед за Сен-Симоном, которым он увлекался в ранний период творчества, в свое время пророчески называл этот новый тип общества грядущим фаланстером, всеобщей казармой утопического типа.

Весь смысл и вся ирония ситуации состояли в том, что развивалась не философия вообще, а так называемая марксистско-ленинская в сталинском ее варианте. Уважение классиков марксизма к немецкой классической философии было транслировано на советскую почву, хотя ни Маркс, ни Энгельс не согласились бы с ленинской, а также троцкистской, маоистской, кастровской и иными интерпретациями их взглядов. Подлинная философия в этот период перемещалась в отдельные дисциплины вроде эпистемологии, логики, истории философии, философии науки или уходила по старой российской традиции в литературу, филологию, лингвистику. Поэтому, если современный исследователь пожелает

узнать, что интересного и творческого было в развитии русской философии советского периода, он будет обращаться не к безликим опусам казенных ее представителей, а к трудам Александра Зиновьева, Михаила Бахтина, Юрия Лотмана, Сергея Аверинцева, Мераба Мамардашвили и тех не очень многочисленных, но честных служителей истины, которые, несмотря ни на что, всегда были и будут в России.

Что касается типологизации советского периода развития отечественной философии, то можно отметить действие *принципов латентности и поливариантности*, которые помогали ей выживать еще в дореволюционный период. Мысль убить нельзя, но можно перекрыть различные каналы легального развития, преследовать ее носителей и творцов вплоть до гонения и даже убийства наиболее нетерпимых властью независимых мыслителей, что не единожды наблюдалось в отечественной истории, особенно в период Русской Голгофы XX века. Вместе с внешним насильственным утверждением одной, не самой лучшей и весьма политизированной, формы философии, что принципиально перечеркивало принцип полифонии мысли, в советский период произошла сильнейшая *дискредитация философии* как профессии и вида творчества. В постсоветской России приходится реабилитировать ее достойное имя, воссоздавать инфраструктуру, разрушенную после революции, восстанавливать и укреплять необходимые плодотворные контакты с зарубежными коллегами, что мы делаем на нашем симпозиуме.

Краткий перечень указанных выше некоторых типологических особенностей русской философии нуждается, конечно, в обсуждении, уточнении, расширении и, возможно, опровержении. В качестве резюмирующего вывода позвольте высказать следующие положения. Русская философия имеет, с одной стороны, признаки универсального общечеловеческого знания, к которому она тяготеет по своей родовой принадлежности. С другой стороны, у нее есть собственные индивидуальные черты, отражающие многовековой интеллектуальный опыт, особенности исторического процесса, религиозные основания культуры, богатство и пластику русского языка. Соединенные вместе, родовые признаки и неповторимые индивидуальные черты создают ту качественную особенность русской философии, которую можно обозначить как ее

типологию. Существенно то, что русская философия является порождением отечественной культуры, ее своеобразной квинтэссенцией. Сама же русская культура представляет собой вариант европейской в ее восточнохристианской разновидности при учете евразийского характера социально-политического развития России. Поэтому русская мысль вполне вписывается в контекст европейской культурной традиции, существенно повлиявшей на ее генезис, становление и важнейшие интенции со времен Средневековья до сегодняшнего дня.